

П Л О Д Ы

У Е Д И Н Е Н І Я .

М О С К В А , 1802.

Въ Университетской Типографіи,
у Люби, Гарія и Полова.

Съ дозволенія Московской Ценсуры.

15/64.44

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.	Гимнъ Добродѣтели.	-	1
II.	О богатствѣ.	-	4
III.	Чувства кающагося грѣшника.	-	7
IV.	Весеннее упрое.	-	10
V.	Соловей.	-	12
VI.	Несогласіе.	-	14
VII.	Драмма, Добрай внукъ.	-	17
VIII.	Кладбище.	-	51
IX.	О великодушїи.	-	60
X.	Отрывокъ, несчастная любовь.	-	65
XI.	Стонъ при гробѣ М—а.	-	72
XII.	Примѣръ храбрости.	-	76
XIII.	Честолюбїе и поздное раская- ніе, Трагедїя.	-	81
XIV.	Морицъ, или жертва мщенїя.	-	169

П Л О Д Ы

У Е Д И Н Е Н І Я

I.

Г И М Н Ъ

Д О Б Р О Д Ъ Т Е Л И.

Ты, копорая суцѣспвуешь неизмѣнно, не смотря ни на упрёки опчаяннаго Брута, ни на шоржество гнуснаго лицемѣрія — высокій предметъ свободы разумныхъ суцествъ — Добродѣтель! еспьли ты хочешь осчастливитишь землю, шо будь душою шѣхъ, копорые управляютьъ ею, и шѣхъ, копорые ее просвѣщаютъ: управляй волею Царей и Философовъ!

Явись смерпнымъ безъ покова и облака; безпреспанно будучи игрою своего воображенія, они одѣваютъ тебя въ различныя одежды, всякой по своимъ прихошямъ, и потомъ привыкаютьъ обожать въ тебѣ шо, что собспвенно не еспь ты.

А

Внуши Владѣтелямъ міра, что безъ свободы нѣтъ добродѣтели; — гражданину, что повиноваться законамъ, значить повиноваться самому себѣ; — суевѣрному человѣку, что набожность не пребудетъ самоубійства; — Философу, что онъ долженъ почерпать законы Природы въ своемъ сердцѣ, а не — изъ книгъ.

Раздери пройную завѣсу, очаровывающую мысленный взоръ человѣка; пусть онъ менѣе увивляется тому, чего не постигаешь; пусть переспанетъ негодовать на медленность разсудка, и болѣе уважитъ честность низкихъ и неизвѣстныхъ людей, нежели блестящіе пороки людей высокихъ и извѣстныхъ

О Добродѣтель! все существующее въ сравненіи съ тобою — ничто. Ты одна занимаешь мѣсто всѣхъ благъ и существенныхъ, получаемыхъ изъ рукъ Природы, и воображаемыхъ; ты существуешь — и на землѣ нѣтъ болѣе зла.

Управляй моею волею, такъ какъ и разумомъ; тебѣ принадлежатъ всѣ способности души нашей. Когда я спараюсь тебя понять, ты кажешься

мнѣ величественною идеею ; но когда я приступаю исполнять тебя — тогда ты представляешься въ великихъ чувствованіяхъ.

Тогда испаю я въ чувствахъ пріятнаго своего вліянія, когда спану бесѣдовать съ своею душою, когда изъ постоянной любви моей къ порядку родится чистый пламень справки, когда почувствую все пространство великаго свойства, впечатлѣннаго во мнѣ Природою, и дерзну наконецъ торжествовать совершеніе того цѣлаго плана, въ которомъ сосредоточены всѣ его отношенія.

Тогда буду я ожидать удара смерти безъ ропнанія и ужаса. Если же Небо продлитъ дни мои, я буду шептѣть спокою, и можетъ быть съ благодареніемъ; если же осуждено мнѣ умереть прежде времени, то чего уже оспалось мнѣ спрашиваться? . . . Добродѣтель — сама Добродѣтель положила меня въ нѣдра Природы!

— Съ Французскаго.

II.

О БОГАТСТВѢ.

Человѣкъ родился съ желаніемъ добра; но всѣ блага, на которыя имѣетъ право, получаетъ онъ отъ Того, Кто далъ ему способность различать добро отъ зла. Эта мысль основывается на чувствѣ благодарности. Все внушаетъ человѣку гласъ Вѣры, гласъ Совѣсти, гласъ Природы. — Но онъ часто не внимаетъ сему гласу; часто, плѣнившись удовольствіями, теряетъ изъ виду истинное благо — удаляется отъ Бога. Между предметами, очаровывающими человѣчeskія сердца, изъ первыхъ можно почесть — пристрастіе къ богатству.

Какая можетъ быть любовь и усердіе къ Богу въ томъ человѣкѣ, въ которомъ отъ неуваженія Божественныхъ заповѣдей вѣра и добродѣтель ослабли? которой, будучи развлеченъ разными предметами,

плѣняющими неоспорожной его взорѣ,
 заботитися полько о удовлешвореніи
 своимѣ спрашямѣ? — Помыслишѣ
 ли онѣ сѣ благоговѣніемѣ о первомѣ
 и единшвенномѣ своемѣ долгѣ? помы-
 слишѣ ли онѣ о томѣ, чемѣ онѣ
 обязанѣ Богу? — Предавшисѣ вѣ волю
 спрастей и упоая вѣ роскоши, бы-
 ваешѣ ко всему хладнокровенѣ — бы-
 ваешѣ вѣ шягосиѣ самому себѣ. Онѣ
 презираешѣ все, что есиѣ свяшо.
 Подлое самолюбіе погашаешѣ вѣ немѣ
 свѣтильникѣ разума, возбраняешѣ
 слышатиѣ гласѣ истины — гласѣ
 любви кѣ ближнему; подавляешѣ сѣ-
 мена благодарности, заглаждаешѣ
 слѣды чувствительности, и наконецѣ
 доводишѣ до пошкраіности, что онѣ —
 забывѣ себя и человекство — забы-
 ваешѣ Творца... Но какой это люби-
 мецѣ слѣпой Форшунны? — Богачѣ, усы-
 пленный на розахѣ удовольствій —
 богачѣ, котораго сердце упоено слад-
 кимѣ ядомѣ, лежащій на бархатномѣ
 диванѣ сѣ помношью вѣ душѣ — сѣ
 горешью вѣ сердцѣ. Онѣ уже не
 имѣешѣ времени познатиѣ самого себя,
 взглянушѣ окомѣ соспраданія — окомѣ

человѣколюбія на бѣдность, ліющую горькія слезы и съ уничиженіемъ ползающую у ногъ его; не имѣетъ уже времени помыслить о вѣрѣ и законѣ, какъ о первомъ долгѣ человѣчества. Валтасаръ, Государь Вавилонскій, никогда бы не дерзнулъ принести на пиръ священныхъ сосудовъ, въ коихъ была приносима жертва Богу Израилеву, есъли бы не былъ ослѣпленъ богатствомъ и роскошью, есъли бы сіи два кумира не очаровали сердца его. —

И такъ не уже ли богатство — сей даръ Неба — бываетъ причиною тому, что человѣкъ забываетъ самого себя, забываетъ ближняго, забываетъ наконецъ и Творца своего? —

III.

ЧУВСТВА КАЮЩАГОСЯ ГРѢШНИКА.

Среди удовольствий, среди пышных роскошей и различных веселостей, когда совѣсь моя дремала, когда я ушопалъ въ порокахъ, когда всѣ необузданныя спраспи, сіи бичи челоуѣчества, обладали мною — услышалъ я наконецъ пронзительной звонъ погребашельнаго колокола, и воспрепещалъ. Ужасъ овладѣлъ мною; я началъ спрашиваться самого себя, — душа моя стѣснилась подъ игомъ угрызений. Мрачная шѣнь злыхъ моихъ дѣяній предспавилась глазамъ моимъ, — дѣяній, перзающихъ сердце! ужасный ея гласъ пронзаетъ слухъ мой; она вопіетъ: нѣтъ уже болѣе ни времени, ни прощенья! — Огонь Эпны воспламенилъ мое сердце, хладъ сѣвера оспановилъ во мнѣ печеніе крови. Не послѣдній ли это конецъ? — Такъ, это конецъ моему быпію, сказалъ я, и хотѣлъ возло-

жить на себя собственныя свои
 руки — какъ гласъ священный, гласъ
 милосердый — гласъ, зовущій къ покая-
 нію оспановилъ меня. Боже! что я
 былъ? — Плачевной предметъ состра-
 данія и ужаса; — но теперь слезы по-
 шекли и успокоили нѣсколько мое
 сердце. Ужасъ мщенія Божія возбуди-
 въ сердце моемъ спасительное содрога-
 ніе, раскаяніе коснулось души моей. . . .
 Но сколь оно еще слабо! сколько серд-
 це мое ожесточено! — Создателю мой!
 коль Ты долго терпишь беззаконія
 человѣка! колико Ты милосердъ и
 благъ! Я заслуживаю наказаніе,
 заслуживаю праведный Твой
 гнѣвъ. — Но Ты, Отче небесный!
 Ты меня прощаешь, Ты пребуешь
 одного сердечнаго раскаянія — одного
 покаянія. Если Ты меня проспишь,
 то когдѣ Ты накажешь? . . . Ахъ!
 не огорчись; хотя надежда и сла-
 бой мой разумъ приводитъ меня въ
 заблужденіе, но я полагаю въ Тво-
 емъ величествѣ прибѣжище; и ты,
 душе моя, озаряющаяся небеснымъ
 лучемъ, свѣтомъ Божества! вниди
 въ себя и скажи мнѣ: гдѣ я? и что я?

Верховный Правитель міра! —
Существо Превѣчное! я возношу гласъ
свой къ Тебѣ: услышь сердечное мое
раскаяніе! — услышь мою молитву,
и освѣти меня свѣтомъ Божествен-
ныхъ Твоихъ лучей; низпосли мнѣ
силу и бодрость исполнять святыя
Твои заповѣди; низпосли Твою бла-
госць къ укрощенію мятежной моей
воли! Я каюсь во всѣхъ моихъ зло-
дѣяніяхъ, и просперши чело мое во
прахъ, умоляю Тебя, Отче небесный!
прости мнѣ грѣхи мои. Подаждь
мнѣ при послѣднемъ часѣ жизни мо-
ей достигнуть къ источнику не-
слѣнныхъ Твоихъ благъ, къ жили-
щу чистѣйшихъ Духовъ!

IV.

ВЕСЕННЕЕ УТРО.

Уже скрывается блѣдная Царица ночи; — янтарныя звѣзды теряюшѣ яркѣй свѣшѣ, убѣгаюшѣ черныя тѣни ночи; — румяная заря начинаетѣ блистатѣ на краю небосклона, зыблющѣйся лучѣ солнца пробуждаетѣ всю Природу: — восходитѣ огнеобразный шарѣ — восходитѣ благопшворное солнце, пламенное злато спелетѣся по полямѣ. Цѣшны разкрываютѣ свои чашечки, и кажутѣ солнцу кристальныя перла прохладной ушренной росы; ароматный парѣ розѣ оживляетѣ зеленый атласѣ листочковѣ. Трудолубивый поселянинѣ идетѣ на свое поле, правитѣ тяжелымѣ плугомѣ, и съ радостѣю вѣбратѣ иѣдрамѣ земли сѣмена. Спада пшницѣ наполняютѣ пѣниемѣ своимѣ воздухѣ, роши повшоряютѣ шоны ихѣ вѣ прѣшныхѣ опшодоскахѣ. — Жаворонокѣ,

плавая въ воздухѣ, поетъ веселую,
скорую свою пѣсенку.

Все, что ни видишь око мое;
всякой предметъ, представляющійся
моему взору, все Твоимъ, Господи!
усиленно могущесловомъ. Тобою жи-
ветъ Природа. Свѣтъ и безчислен-
ное множеслово звѣздъ; блескъ, ше-
плоша и сила солнца — суть дѣла
руки Твоей.

Непоспнжимый! — я молчу . . .
слабый свѣтъ мой меркнетъ при
разсмаприваніи великихъ чудесъ
Твоихъ; я не могу надивисья
онимъ — не могу надивисья Твоей
премудрости, и съ воспоргомъ вос-
клицаю: чудны дѣла Твои;
Господи! . . .

V.

СОЛОВЕЙ.

Воспoчная звѣзда теряла яркій свой блескъ, края небосклона начинали бѣлѣть, слабой свѣтъ пробивался сквозь мракъ, наконецъ усилился и прогналъ темнопу ночи: настало Майское утро! Я сидѣлъ въ это время при корнѣ вѣшвиспой липы: какое время! какое мѣсто! Тамъ — далеко — вижу я синій лѣсъ, возвышающіяся скалы; — тамъ поля покрытыя зеленобархатными коврами; — тамъ лугъ цвѣтами усѣянный, — здѣсь прекрасный садъ; все восхищаетъ, плѣняетъ меня; я дышу ароматнымъ паромъ цвѣтовъ, чувства мои исполнены райскимъ восхищеніемъ! — Вдругъ слышу я соловья, неподражаемаго пѣвца! его громкія прели, нѣжные перекашы, неслись легкими зефирами, и раздавались въ окрестныхъ мѣстахъ. Его голосъ былъ иногда отрывистъ, иногда протяженъ и разсыпчивъ, иногда громокъ и нѣ-